

Глава 1

Полтава, 1893 год.

Пансион благородных девиц.

ария, вы спите? Мария! — Худенькая смуглая девочка с волосами цвета воронова крыла и маленьким птичьим личиком на цыпочках подошла к кровати и коснулась белоснежного плеча подруги. — Мария, просыпайтесь. Агнесса Карловна только что заглядывала к нам. Теперь ее долго не будет.

Та, которую она назвала Марией, дернулась под тонким одеялом, совсем не согревающим в морозные дни, и приподняла хорошенькую головку.

— А? Что случилось?

— Вы и вправду заснули? — Аглая покосилась на соседнюю кровать, где посапывала самая примерная пансионерка — Елена Кадышева, дочь богатого купца. — Подвиньтесь, мне холодно. Ноги зябнут.

Мария лениво зевнула и подняла одеяло, давая подруге возможность юркнуть к ней в кровать.

— Ой, какая вы ледяная, Аглая!

Чернявая девочка прижалась к ней всем худеньким, дрожащим телом:

— Знаете, дома я спала под ватным одеялом. А тут... Наверное, такие тоненькие одеяльца дают солдатам...

Но мы же не солдаты. Почему нас содержат в спартанских условиях?

Мария вздохнула, думая, что Аглая была права. В спальне воспитанниц благородного пансиона температура редко поднималась выше шестнадцати градусов, и одеяла, больше напоминавшие покрывала, не спасали от леденящего холода.

— Дома я редко вставала раньше девяти. — Аглая сладко потянулась и горестно вздохнула. — Жаль, что папенька обеднел и был вынужден отдать меня сюда.

Мария сжала ее холодную маленькую ручку:

— Что делать, Аглая! Мне самой здесь не по нраву. Но мои родители, как и ваши, не могут нанять мне преподавателей. Они считают, что мне очень повезло учиться здесь, и молятся за государя, который решил, что такие, как мы, из обедневших дворянских семей, должны получать образование бесплатно.

— Бесплатно! — фыркнула Аглая. — А кого из нас готовят? Домашних учительниц? Вы не считаете эту профессию унижительной? Что до меня, я ни за что не пойду воспитывать богатых ожиревших барчуков.

Мария снисходительно улыбнулась:

— Дело ваше, Аглая. Может быть, вы выйдете замуж и не будете ни в чем нуждаться. И тогда ваше прекрасное образование позволит вам блистать в свете.

Аглая хмыкнула и сунула в рот кулачок, чтобы не расхохотаться.

— Ладно, хватит об этом. Расскажите лучше о вашем романе с господином Насоновым. Вы обещали, обещали, обещали!

— Да тише вы, всех разбудите! — Лицо Марии приняло мечтательное выражение. — Представляете, он наконец сказал, что любит меня.

— Так и сказал? — в простодушной реплике Аглаи не слышалось и тени сомнения, и Мария продолжала:

— Помните, тогда, во время обеда... Я поела быстрее всех и вышла, а он схватил меня за руку...

— И никто не видел? — удивилась подруга.

Мария поморщилась:

— Ну, он не глупец, чтобы сделать это у всех на глазах. Разумеется, нас никто не видел... Так вот, господин Насонов схватил меня за руку и прошептал: «Жить без вас не могу... Только вы можете составить счастье моей жизни».

— Каков! — недовольно пробурчала Аглая. — У него же жена и трое детей. Разве не они его счастье?

Подруга фыркнула:

— Вы же видели его жену. Она бледная и бесцветная, как луна. Думаю, он был вынужден на ней жениться. Наверняка здесь какая-то неприятная история.

— Может быть, — согласилась Аглая, которой безумно хотелось узнать, что произошло дальше. — Итак, он схватил вас за руку и признался в любви. И что же потом?

— А потом появилась эта несносная Агнесса Карловна, и он выпустил мою руку, прошептав: «Я найду способ увидеться с вами». — Голос Марии сорвался, но не от волнения, как подумала Аглая, а оттого, что ее разговор с господином Насоновым был чистойшей выдумкой.

Мария О'Рурк часто сочиняла подобные истории и почти верила, что это происходило на самом деле. Странно, но у ее подруг, кроме недоверчивой Анастасии Бужинской, дочери тайного советника, никогда не возникало мысли усомниться в ее словах.

Мария слыла первой красавицей полтавского пансиона благородных девиц: высокая, стройная, с безупречно белой кожей, правильными чертами лица, густыми волосами медно-рыжего цвета и огромными голубыми

глазами. Ее подругам казалось, что в такую невозможно не влюбиться. И неудивительно, что неприступный господин Насонов, молодой учитель математики, недавно появившийся в пансионе, потерял голову и был готов забыть о своей семье.

— Жаль, что он немного косой, — вздохнула Аглая не без мысли, что, кроме математика, ни один мужчина, работавший в пансионе, не заслуживал внимания — все остальные были пожилые и суровые.

Впрочем, в подобные учебные заведения других и не принимали, опасаясь за репутацию пансионеров. Класные дамы тоже не блистали красотой: старые девы, а значит, неудачницы в жизни, они напоминали высушенных ископаемых ящеров.

— Ты же знаешь, что он самый красивый мужчина в нашем пансионе, — вставила Мария. — Косоглазие его ничуть не портит. Кстати, я его не замечаю, потому что сама люблю нашего математика без памяти.

— Я помню, вы даже проглотили кусочек мыла, чтобы доказать свою любовь. — Аглая дернулась под одеялом.

— Верно, проглотила, — согласилась О'Рурк. — После этого у меня был легкий жар, но я все вытерпела. Когда любишь человека...

— Вы удивительная, — выдохнула Аглая с восхищением. — Вы...

— Хватит, — раздался голос Анастасии с соседней кровати — Вы мешаете спать... Завтра я пожалуюсь на вас Агнесе Карловне, и она вас накажет.

— Уже уйду. — Легкая, как птичка, Аглая вынырнула из-под одеяла и засемила к себе, ежась от холода.

Юркнув в свою кроватку с железной панцирной сеткой, она несколько минут ворочалась и кряхтела, пока здоровый сон не сморил ее.

Мария еще долго не могла заснуть. В последнее время она все чаще стала задумываться о своем будущем, и оно рисовалось ей безрадостным. Благородное происхождение уже ничем не могло ей помочь. Когда-то дворянский род графов О'Рурков (его корни уходили к ирландской королевской династии), представителем которого являлся ее отец, был очень влиятельным в России, но к девятнадцатому веку утратил свои позиции. Семья влачила полунищенское существование, и родители обрадовались, когда появилась возможность дать дочери бесплатное хорошее образование.

Так Мария оказалась в пансионе благородных девиц, в стенах строгого белого здания, построенного в классическом стиле. Сначала ее решительная и свободолюбивая натура противилась строгим правилам закрытого учреждения. Ее коробило, что все девушки были одеты одинаково, с одинаковыми гладкими прическами (маленьких вообще коротко стригли), ее тошнило от иностранных языков, зато она обожала историю и арифметику, скорее не саму арифметику, а молодого косоглазого учителя, пусть и несвободного.

Впрочем, все предметы, кроме языков, преподавались довольно поверхностно. Преподавателю истории советовали учитывать, что чувствительным женщинам мало дела до того, сколько человек погибло в том или ином сражении. Нежным пансионеркам следовало знать только факты, влиявшие на домашнюю жизнь.

Учителя физики, следуя наставлениям директрисы, ограничивались некоторыми свойствами тел и явлений в природе, которые могли пригодиться в обыденной жизни или быть полезными при воспитании детей.

А еще Мария обожала прогулки в городском саду. Пусть их водили строем, пусть за ними шел полицей-

ский — на улице девушка расцветала. Щеки загорались румянцем, глаза излучали необыкновенный блеск, полные губки звали к поцелуям...

Она жадно ловила восхищенные взгляды молодых людей, и ее хитрый девичий мозг работал денно и нощно, думая, как назначить им свидание и выскользнуть из пансиона.

К сожалению, это было невозможно. Строгие классные дамы охраняли воспитанниц как наседки.

И тогда Мария принялась испытывать свои чары на преподавателях, всю строить им глазки, а потом сочинять любовные истории.

Язвительная Анастасия Бужинская придумала ей прозвище — «полудевственница», которым О'Рурк тайне гордилась. Она презирала изнеженных пансионеров, жутко красневших, когда девушка начинала говорить о любовных наслаждениях, и мечтала скорее окончить пансионат и вырваться на свободу.

И вот подошел к концу восьмой год ее обучения. Вскоре родители должны были забрать ее домой, и один бог знал, что ждало ее за стенами благородного здания.

Мария постучала кулачком по жесткому матрасу и прошептала, косясь на постель Анастасии:

— Я никогда не буду домашней учительницей. Я никогда не буду голодать. Даю слово.

Глава 2

Качановка, 1895 г.

Мария медленно шла по дубовой аллее огромного красивого парка и крепко держала за руку высокого молодого человека с узкой темной бородкой, а он, нахло-

нившись к девушке, с наслаждением вдыхал аромат ее рыжеватых волос и шептал:

— Вы свели меня с ума, Мария. Я люблю вас. Я готов просить вашей руки.

Его взволнованный голос не пробуждал в холодной О'Рурк никаких чувств. Долговязый и не очень образованный Василий Тарновский — именно так звали ее кавалера — ей почти не нравился.

Разумеется, он был лучше ущербных преподавателей пансиона благородных девиц, но с героем ее романа не имел ничего общего. Впрочем, у него было одно достоинство: его родители слыли очень богатыми людьми. О баснословном богатстве кричало и имение в Качановке, по парку которого они гуляли.

Мария никогда не видела такой роскоши. Она с интересом слушала рассказы молодого человека об этом удивительном уголке, ассоциировавшемся у нее с райскими кущами, имевшем к тому же и богатую историю.

Когда-то великая императрица Екатерина II подарила хутор Качановку графу Петру Александровичу Румянцеву, а полководец задумал создать резиденцию президента Малороссийской коллегии.

Недолго думая, он выписал лучших зодчих и архитекторов, и они возвели дворец в псевдоготическом стиле, с многочисленными башенками, увенчанными шатрами, уступами и нишами. А вскоре вокруг дворца разбили парк, с дубовой поляной и огромным садом, состоявшим из плодовых деревьев и виноградника. Рядом с дворцом построили несколько служебных помещений, а парк украсили гротом и «романтическими руинами». После смерти графа имение перешло к его сыну, который, недолго думая, продал его некоему Григорию Почеке и его жене. Румянцевский дворец снес-

ли, на его месте появилось одноэтажное здание в классическом стиле. Изменился и сам парк, неподалеку начали строить церковь. А потом имением завладел сын жены Григория от первого брака, камер-юнкер Григорий Степанович Тарновский. Человек энергичный, он, не откладывая в долгий ящик, приказал возвести новый дворец. Изменения коснулись и парка. Фруктовые деревья перенесли в другое место, подальше от жилых помещений, а их место заняли боскеты, обсаженные липами и березами. Григорий Степанович решил увеличить и пруд, сделав его даже не большим — огромным, и велел насыпать в его середине два искусственных острова, соединенных мостом. Из пруда изгнали крестьянских уток и гусей, запустили лебедей, по его берегам насадили водные растения.

Казалось бы, имение должно было заиграть по-новому, вызывать восхищение у многочисленных гостей, но этого не происходило. Гости, все как один, отмечали: дом будто не был закончен, дорожки не доделаны. Может быть, хозяин жалел деньги? Но на кого ему было тратить свой огромный капитал — детей у супругов не было. Впрочем, люди искусства — писатели, поэты, художники и композиторы — с удовольствием ездили в Качановку. Григория Степановича и его жену удостаивали вниманием и Николай Гоголь, и Михаил Глинка, и Тарас Шевченко, и Павел Федотов. А когда супруги Тарновские покинули этот мир, в права наследования вступил Василий Тарновский, дедушка кавалера Марии, а от него Качановка перешла к отцу Василия, тоже Василию.

Мария подумала, что это имя передавалось по наследству, так же как дворец и парк.

Дедушка ее возлюбленного не перестраивал усадьбу, предпочитая заниматься сельским хозяйством, а краса-

вещ отец, в жизни которого было три страсти — парк, коллекция и женщины, активно взялся за дело. Он выписал хвойные деревья, никогда не росшие в этих краях, засадил поляны декоративными кустарниками, украсил аллеи скамейками и мраморными скульптурами. Старый парк преобразился, заиграл новыми красками. А энергичный хозяин и не думал останавливаться, продолжая совершенствовать Качановку по своему вкусу. Он очень любил цветы, и вскоре возле дома появилась оранжерея, а на первом этаже дворца — летний сад. Полюбоваться растениями съезжались со всей округи, и Мария, нередко навещавшая Василия, с завистью смотрела, как по изумрудному дерну катились богатые экипажи.

Что ж, у нее тоже будет такой. И она будет одета не хуже хорошеньких барышень, вышедших из экипажей со своими маменьками. А поможет ей в этом брак с Василием Тарновским.

— Я с удовольствием бы вышла за вас замуж, — томно произнесла она, сжав его теплые пальцы, — но мои родители считают, что вы мне не пара. Отец всегда хотел, чтобы мы породнились с дворянским родом.

Василий вздохнул и потерял каштановый ус.

— Мои родители тоже так считают, — произнес он и покраснел. — Отец не рассматривает девушек, у которых нет денег, в качестве хорошей для меня партии. И дворянство тут ни при чем.

Она наклонила рыжеволосую голову:

— Понимаю. Что же нам делать, Василий? Правила приличия говорят, что я должна немедленно с вами расстаться. В наших кругах всегда бытовало мнение, что даже невинные прогулки по аллеям под руку с молодым человеком компрометируют девушку. — Мария

выхватила руку из его ладони и всхлипнула:— Прощайте, Василий. Помните о Марии, которая очень любила вас.

Она бросилась бежать по липовой аллее, прекрасно зная, что пылкий молодой человек кинется следом.

Так и случилось. Василий был слишком влюблен, слишком хотел обладать этой девушкой, чтобы вот так отпустить ее. Он нагнал Марию возле старого дуба и схватил за плечо:

— Да подождите вы! Мы не можем вот так расстаться. Я не смогу без вас жить.

Она сурово сдвинула брови:

— Но у нас нет другого выхода, как вы не понимаете!

Василий задумался:

— Выход есть, дорогая. На нашей стороне моя бабушка Людмила. Она всегда говорила, что не одобряет снобизма отца. Бабушка предложила мне украсть вас и обвенчаться за городом. Я заплачу священнику, и он обвенчает нас без благословения родителей. Гусар Лядовский будет моим свидетелем.

Мария покраснела и опустила глаза:

— Венчаться вот так, без родительского благословения?

Тарновский улыбнулся:

— Но что же делать, если они запрещают нам любить друг друга?

Девушка застонала и прижалась к нему всем телом:

— Ох, Василий! Как я буду счастлива!

Он обнял любимую и поцеловал в белый гладкий лоб:

— Я тоже. Сегодня же переговорю с Лядовским. О месте и времени венчания обязательно дам знать.

— Я буду ждать, — Мария отстранила его и тряхнула головой: — А теперь я пойду. Нас могут увидеть.

— Скоро мы не будем этого бояться, — заверил ее жених. — Совсем скоро, уверяю вас.

Глава 3

Приморск, наши дни

Он подошел ко мне неслышно — так подкрадывается кошка к мыши — и довольно ощутимо ткнул в бок указательным пальцем:

— Эй, ты! Думаешь возвращать долги?

Я обернулся и увидел перед собой здорового парня с толстым лицом и широким носом. Интеллектом это лицо явно не было обезображено.

— Простите, вы кто?

— Считаю, что коллектор, — парень усмехнулся, оскалив редкие зубы, — малыш, меня прислали напомнить тебе: когда занимаешь деньги у солидных людей, их нужно отдавать, — для пущей убедительности он продемонстрировал кулак с голову жеребенка.

— Этот солидный человек — мой одноклассник, — выдохнул я и поморщился.

Его взгляд не предвещал ничего хорошего.

— И что с того? — Парень сплюнул на сухую землю. — Теперь он должен все тебе простить?

— Не должен, я отдам. — Я вложил в эти слова как можно больше эмоций, но он, видимо, не поверил:

— Свежо предание. Слушай, шеф дает тебе неделю. Неделю, понятно? Если не вернешь долг, пострадают твои близкие. Заруби это на носу.